

www.volsu.ru

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ОТ РЕЛИГИОЗНОГО ГОСУДАРСТВА К СВЕТСКОМУ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.9>

UDC 94(476)«18/19»:322

LBC 63.3(4Бел)53-37

Submitted: 29.07.2023

Accepted: 29.12.2023

TRANSFORMATION OF THE MODEL OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN BELARUS AT THE END OF THE 19th CENTURY – 1917

Tatsiana V. Lisouskaya

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. Introduction. The article describes the process of transformation of state-confessional relations in the Belarusian lands as part of the Russian Empire from the end of the 19th century to 1917. **Methods and materials.** To obtain verified results, the study is based on the analysis of administrative and regulatory materials, office documents of the Mogilev diocese, and domestic and foreign historiography. The study was conducted using an interdisciplinary methodology: historical-typological and historical-comparative methods, formal-legal, and the method of interpretation of legal norms were used. In addition, to identify the features of the socio-political discourse on the issue of changes in state-church relations, discourse analysis was used. **Analysis.** The historically established model of a religious state with the dominance of the Orthodox Church in the Russian Empire was established in the 19th century on Belarusian lands with a different confessional structure and traditions of state-church relations. The author noted a tendency to transition from the model of a religious state to the model of a secular state – in the period March – October 1917, the Provisional Government tried to establish an identification model of a secular state. This model corresponded to the religious system of Belarusian society with the dominance of the Orthodox Church and the expectations of socio-political actors and also ensured the implementation of religious rights and freedoms of adherents of other religions but was not fully implemented due to the transfer of power to the Bolshevik Party in October 1917. **Results.** Transformational processes in state-confessional relations in the Belarusian provinces took place in the direction from the model of a religious state to the model of a secular state as accompanying changes in the political system of the Russian Empire. Internal factors in the development of the state-confessional system of the Russian Empire, as well as the peculiarities of the confessional environment of the Belarusian provinces (diversification of the religious structure of Belarusian society, limitation of the rights of traditional actors rooted in the Belarusian religious environment, confessional dualism “Orthodoxy-Catholicism”), did not play a significant role in the transformation processes.

Key words: state-confessional relations, religious policy, secular state, religious state, Belarus.

Citation. Lisouskaya T.V. Transformation of the Model of State-Confessional Relations in Belarus at the End of the 19th Century – 1917. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 128-141. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.9>

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX в. – 1917 ГОДУ

Татьяна Витальевна Лисовская

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. *Введение.* В статье охарактеризован процесс трансформации государственно-конфессиональных отношений на белорусских землях в составе Российской империи с конца XIX в. до 1917 года. *Методы и материалы.* Для получения верифицированных результатов исследование основано на анализе административных и нормативно-правовых материалах, документов делопроизводства Могилевской епархии, отечественной и иностранной историографии; исследование проведено с применением междисциплинарной методологии: были применены историко-типологический и историко-сравнительный методы, формально-юридический и метод толкования правовых норм. Для выявления особенностей общественно-политического дискурса по вопросу изменений государственно-церковных отношений также был применен дискурс-анализ. *Анализ.* Исторически сложившаяся в Российской империи модель религиозного государства с доминированием православной церкви устанавливалась в XIX в. на белорусских землях с иной конфессиональной структурой и традициями государственно-церковных отношений. Автором отмечена тенденция к переходу от модели религиозного государства к модели светского государства в период марта – октября 1917 года. Временным правительством была сделана попытка установления идентификационной модели светского государства. Данная модель соответствовала религиозной системе белорусского общества с доминированием православной церкви и ожиданиям общественно-политических акторов, а также обеспечивала реализацию религиозных прав и свобод приверженцев иных религий, однако не была реализована до конца по причине перехода власти к партии большевиков в октябре 1917 года. *Результаты.* Трансформационные процессы в государственно-конфессиональных отношениях в белорусских губерниях проходили в направлении от модели религиозного государства к модели светского государства как сопутствующие изменениям политической системы Российской империи. Внутренние факторы развития государственно-конфессиональной системы Российской империи, а также особенности конфессиональной среды белорусских губерний (диверсификация религиозной структуры белорусского общества, ограничение прав традиционных, укорененных в белорусской религиозной среде акторов, конфессиональный дуализм «православие – католицизм») не сыграли значительной роли в трансформационных процессах.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, религиозная политика, светское государство, религиозное государство, Беларусь.

Цитирование. Лисовская Т. В. Трансформация модели государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в конце XIX в. – 1917 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 128–141. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.9>

Введение. Религия как социальный институт оказывает огромное влияние на общественное, культурное и политическое развитие общества и является значимым фактором национально-государственной идентичности. Формирование отношений государства с религиозными организациями происходит на основе национальных и исторических традиций общества, а также в зависимости от политических целей государства. В связи с этим существует плюрализм моделей государствен-

но-конфессиональных отношений, которые исторически сформировались на основе развития общественно-политических систем общества, традиций и идеологий. Религиозная структура белорусского общества исторически характеризовалась конфессиональным дуализмом «православие – католицизм» доминирующих в Беларуси христианских конфессий и широкой представленностью исторически традиционных для Беларуси представителей иных религий – иудаизма, ислама, а так-

же протестантских конфессий. Общественно-политические процессы, изменение конфессиональной структуры общества Беларуси, революционные преобразования конца XIX – начала XX в. актуализировали не только преобразование государственной системы, но и изменение положения религиозных организаций и их взаимоотношений с государством.

Вопросы государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в конце XIX – начале XX в. в современной белорусской и российской историографии затрагиваются в контексте изучения государственной религиозной политики Российской империи и Временного правительства. Положение конфессий и религий в белорусских губерниях Российской империи отражены в работах белорусских исследователей В.В. Яновской [40], В.И. Новицкого [13], И.И. Янушевича [41]. Общие направления религиозной политики, применимые для изучения белорусской конфессиональной истории, рассмотрены в работах российских историков Т.К. Никольской [18], О.Ю. Редькиной [30], А.А. Сафонова [31], М.И. Одинцова [23], В.В. Андрощука [1]. Однако при достаточной разработке общих положений религиозной политики есть ряд лакун в изучении государственно-конфессиональных отношений в Беларуси. В частности, недостаточно рассмотрены вопросы формирования и трансформации модели государственно-конфессиональных отношений в контексте поликонфессиональности белорусского общества и наличия этноконфессионального дуализма «православный белорус – католик-поляк», особенностей ее построения на территории Беларуси.

Целью данной статьи является характеристика трансформации модели государственно-церковных отношений в Беларуси в конце XIX в. – 1917 г. в контексте социально-политических изменений в обществе.

При изучении трансформации моделей государственно-конфессиональных отношений следует принимать во внимание отсутствие единой научной классификации моделей в исторических и юридических исследованиях. При этом большинство ученых в качестве факторов классификации выделяют: степень взаимосвязи государственных и церковных институтов, степень идеологического монополизма, наличие привилегированного статуса опреде-

ленного вероисповедания, дифференциацию правового статуса и правомочий разных вероисповеданий, степень реализации свободы совести граждан в индивидуальном и в коллективном измерении. Характеристика процесса трансформации государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в конце XIX в. – первой половине XX в., а также идентификация моделей, которые основаны на выявлении и анализе основных индикаторов моделей.

Методы и материалы. Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы Российской империи, Временного правительства, материалы административных процессов, документы делопроизводства Могилевской епархии. При анализе процесса трансформации государственно-конфессиональных отношений были применены историко-типологический и историко-сравнительный методы, а также для выявления особенностей общественно-политического дискурса по вопросу изменений государственно-церковных отношений был применен дискурс-анализ.

Анализ. Модель государственно-конфессиональных отношений в белорусских губерниях Российской империи (конец XIX в. – 1905 г.). После вхождения белорусских земель в состав Российской империи в ходе разделов Речи Посполитой 1772, 1793, 1795 гг. в белорусских губерниях происходило установление российского политико-правового режима, который включал в себя и регулирование государственно-конфессиональных отношений. Процессы унификации политико-правовой и конфессиональной системы белорусских губерний с центральными губерниями России активизировались в XIX в. в связи с нормативно-правовым закреплением принципов государственно-конфессиональных отношений в Своде Законов Российской империи 1835 г., а также в связи с необходимостью реакции властей на восстания 1830–1831 гг., 1863–1864 годов.

Следует отметить, что система государственно-конфессиональных отношений Российской империи была исторически детерминирована. В основе системы лежал принцип цезарепапизма [35, с. 34], который предполагал примат и тесную взаимосвязь государства

и религиозных организаций на основе взаимных интересов. Верховенство государства осуществлялось прежде всего через контроль государством всех религиозных организаций на белорусских и российских землях и управление ими: православной церковью – Святейшим правительствующим Синодом, утвержденным в 1721 г., иными вероисповеданиями – Департаментом духовных дел иностранных исповеданий [33, ст. 46] при Министерстве внутренних дел. Государство оставляло за религиозными организациями вопросы духовного характера, однако и многие вопросы религиозной деятельности, в том числе вопросы внутреннего устройства, находились в ведении светских властей – утверждение епископов, архиереев, открытие кафедр, назначение архиереев на кафедры и т. д. Так, Священный синод имел право издания указов, обязательных для выполнения всем православным духовенством, право назначения новых праздников и обрядов, канонизации святых [14, с. 11]. Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий распоряжался назначением членов Римско-католической коллегии, католических прелатов, руководителей протестантских консисторий и мусульманских духовных правлений, в его компетенции находились вопросы открытия католических епархий и приходов, устройство конфессиональных округов и учреждений, решение имущественных вопросов инославия. Департамент контролировал финансирование, доходы и расходы, распоряжался постройкой и ремонтом культовых зданий, имел право установления праздничных дней для инославия и т. д. [2, с. 350]. При этом религиозные организации также были интегрированы в государственно-административную систему: им были переданы вопросы метрикации, а православная церковь, кроме религиозных функций (культовая практика, религиозное образование) и социальных (милосердие), выполняла функции исполнительной власти (общественное просвещение), зачастую выступая как судебная и отчасти законодательная инстанция [14, с. 10],

Статус православной церкви как «первенствующей и господствующей» [34, ст. 40] в государстве был характерной чертой модели государственно-конфессиональных отношений в Российской империи. Император про-

возглашался Главой Русской православной церкви [34, ст. 42], Статус главы церкви, а также чин миропомазания при возведении на престол обеспечивали, с одной стороны, сакрализацию власти императора и государства, а с другой стороны, определяли обязательства государства по защите интересов, учения и внутренней чистоты православной церкви, что определило правовые основы для расширения полномочий православной церкви в общественно-политическом пространстве. Так, в качестве государственных были признаны основные православные праздники, духовенство привлекалось к официальному участию в мероприятиях (коронование, благодарственные молебны, открытие государственных учреждений), отдельные административные процедуры в отношении инославных исповеданий согласовывались с Православной Духовной Консисторией. В целом статус православной церкви и ее тесное взаимодействие с государством определили основной концепт религиозной политики – защиту прав и интересов православной церкви как институциональной части государства и его мировоззренческой основы, консолидирующей общество. Обязанность императора как «блюстителя правове-рия» [34, ст. 41–42] закрепила православную веру в качестве идеологической основы общества и определила позицию государства к иным религиям и конфессиям, а также оказала влияние на возможности реализации свободы совести и вероисповедания приверженцев неправославных религий и внерелигиозного мировоззрения.

Следует отметить, что исторически сложившаяся в Российской империи модель религиозного государства с доминированием православной церкви устанавливалась в XIX в. на белорусских землях с иной конфессиональной структурой и традициями государственно-конфессиональных отношений. Перед вхождением в состав Российской империи в конце XVIII в. конфессиональная структура Великого княжества Литовского выглядела следующим образом: 39 % униатов, 38 % католиков, 6,5 % православных, 4 % староверов, 1,6 % лютеран и кальвинистов от общей численности населения [13, с. 5]. Православная церковь по всей Речи Посполитой насчитывала всего 500 тыс. человек (в Великом кня-

жестве Литовском – 250 тыс.) с одной Белорусской епархией в Могилеве. На протяжении конца XVIII – конца XIX в. в белорусских губерниях проходило установление российской модели религиозного государства и усиление позиций православной церкви. Проведение Полоцкого собора 1839 г. и перевод греко-католической церкви в православную, создание новых православных епархий (Могилевская, Минская, Литовская, Полоцкая) содействовали увеличению численности православного населения [42, с. 76]. Участие католического клира в восстании 1863–1864 гг. привело к радикализации религиозной политики и интенсификации процессов усиления влияния православия в конце XIX века. В первые годы после подавления восстания в православие были переведены 30 тыс. католиков Литовской епархии (Виленская, Гродненская и Ковенская губернии) и 37 тыс. католиков Минской епархии [25, с. 51]. Изменение конфессиональной принадлежности населения белорусских губерний и установление системы религиозного государства привело к появлению в Беларуси «упорствующих в латинстве» – лиц, которые юридически перешли в православие, но не желали подчиняться православной канонической дисциплине. Отмечается, что «упорствующие в латинстве» преимущественно были расселены компактными группами в Виленской, Гродненской и Минской губерниях [6, с. 3, 8, 9, 26, 28, 32, 49, 90].

В рамках реализации политики закрепления монополизма православия и преодоления конфессионального оппонирования «православие – католицизм» на белорусских землях за православной церковью были законодательно закреплены исключительные права в общественно-религиозной сфере, а внерелигиозное состояние не подразумевалось [9, л. 1–4]. В частности, ст. 38 Свода законов 1879 г. запрещала выход из православной церкви [39, ст. 38]. Вопрос вероисповедных переходов особенно остро стоял в белорусских губерниях в связи с наличием разных христианских конфессий, нехристианских религий, лиц «упорствующих в латинстве», и большого числа межрелигиозных браков. В отчете оберпрокурора Священного Синода за 1883 г. в отношении Минской епархии отмечалось, что возрастные верующие в большинстве случа-

ев молятся по-польски, отправляются с католиками на богомолье в Царство Польское, а молодые молятся как по-славянски, так и по-польски [16, с. 39]. В 1884 г. Минская духовная консистория предъявила обвинение крещенному еврею Я.Ц. Розенталю в переходе из православия в иудаизм [22, с. 7]. Кроме того, в рамках защиты православной веры и религиозного мировоззрения действовало законодательство, предусматривающее серьезное наказание за антирелигиозные действия, под которым подразумевалось и критика, и публичное исповедание своей веры. К примеру, ст. 176 Уложения предполагала каторжные работы от 12 до 15 лет за хулу на основы христианской веры (Троицу, Иисуса Христа, крест и др.), за порицание христианской веры и православия – каторжные работы от 6 до 8 лет, за кощунство и язвительное насмехание над правилами и обрядами православной церкви и христианства – тюремное заключение от 4 до 8 месяцев [37, ст. 178, 182]. Так, в 1887 г. были осуждены крестьяне-штундисты Гомельского уезда Могилевской губернии П.Е. Пискунов и Л.М. Пехтерев за высказывания, порочащие православную веру [7, л. 2–5, 42, 55].

За православной церковью также было закреплено исключительное право на деятельность в публичном пространстве, а все инославные вероисповедания были исключены из общественной сферы [38, ст. 97]. Так, после восстания 1861–1863 гг. в белорусских губерниях были введены ограничения для римско-католической церкви: запрещены крестные ходы и процессии вне храма, открытое ношение Святых Даров, установка крестов на дорогах и в населенных пунктах без разрешения администрации [13, с. 85]. В то же время в 1865 г. было основано Русское миссионерское общество, а с 1870 г. в епархиях созданы миссионерские комитеты, призванные ограждать православное население и противодействовать распространению неправославных вероисповеданий, бороться с ересями и расколом [11, с. 1–2]. Миссионерство неправославных церквей, прозелитизм трактовались как «свращение» православных в инославие, иноверие и «раскол», участие православных в обрядах и таинствах инославных вероисповеданий [37, с. 21–22; 6, с. 43] – как посягательство на господствующую православную цер-

ковь и относилось к уголовным преступлениям. Так, в 1909 г. в отношении настоятеля Мозырского костела встал вопрос о возбуждении уголовного преследования за совершение таинства венчания над православной прихожанкой Ю.А. Колать с католиком Ю. Леосевичем [6, с. 4–5], так как венчание католика и православного могло быть проведено только в православной церкви. Крещение в смешанных браках также допускалось исключительно по православному обряду. За нарушение данного предписания священнослужители преследовались на основании ч. 1 ст. 193 Уложения 1885 г. [19, с. 28].

К концу XIX в. на белорусских землях была окончательно закреплена государственно-конфессиональная система Российской империи, которая представляла собой модель религиозного государства с доминированием православной церкви. В результате на протяжении XIX в. конфессиональная структура белорусских губерний была трансформирована в сторону увеличения доли и влияния православной церкви, при этом сохранилось присутствие традиционных для белорусских земель неправославных вероисповеданий. Согласно переписи, 1897 г. в белорусских губерниях Северо-Западного края доминировало православие (5 114,7 тыс. человек, а также более 145 тыс. староверов). Римско-католическая церковь оставалась второй по численности конфессией – 1 947,6 тыс. человек. Кроме того, были представлены евангельско-аугсбургский и евангельско-реформированный костелы – более 46 тыс. человек, иудаизм – 1 202 тыс., ислам – 5 592 [13, с. 93–94].

От религиозного государства – к светскому государству (начало XX в. – 1917 г.). Начало обсуждения необходимости изменений в религиозной политике и положении религиозных организаций, в том числе православной церкви, было связано с распространением идей свободомыслия, веротерпимости, свободы совести и вероисповедания в общественной мысли российского и белорусского общества в рамках либеральных реформ 60–70-х гг. XIX века. Однако из сферы идей в плоскость политических мер вопросы трансформации религиозной политики перешли только в начале XX в., чему содействовали общественно-политическая и религиозная ситуация

конца XIX – начала XX века. С конца XIX в. в Российской империи идет распространение неправославных вероисповеданий (штундизма, баптизма, адвентизма) не только в среде национальных меньшинств (в немецких поселениях в Центральной России, среди латышей в Северо-Западном крае, в Лифляндии), в этот процесс вовлекается и белорусское православное население: в 1870-х гг. возникают общины штундистов в Гомельском уезде Могилевской губернии, в 80-е гг. – общины в Витебской губернии, в начале XX в. – общины баптистов в Гродненской и Минской губерниях [15, с. 8], увеличивается количество «упорствующих в латинстве». Учитывая фактор религиозной дифференциации белорусского общества, углубление этноконфессионального дуализма «православный белорус – католик-поляк» при ограничении прав неправославного населения, а также требования демократических прав и свобод накануне и в период Первой русской революции, вопрос свободы совести и вероисповедания, церковная (православная) самостоятельность стали вопросами, решения которых требовали и политические партии, и представители религиозных кругов, в том числе и православная церковь [3, с. 9].

В 1903–1904 гг. в рамках стабилизации общественно-политической ситуации был издан Манифест Николая II «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 26 февраля 1903 г., 2 декабря 1904 г. – Именной Высочайший указ Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» [12, с. 140, 141], в которых была закреплена правовая норма о свободном исповедании веры и проведении богослужений приверженцами инославных и иностранных вероисповеданий. Данная норма декларировала свободу вероисповедания, однако носила номинальный характер в связи с тем, что уголовное и административное законодательство оставалось без изменений.

Ключевые трансформации в религиозной политике были введены Именным Высочайшим Указом Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. и Именным Высочайшим Указом Николая II от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действий старообрядческих и сектантских об-

щин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов». Данные документы, во-первых, закрепили новый правовой статус отдельных религиозных меньшинств (старообрядцев, а также баптистов, штундистов и других сект, отпавших от православия) и создали условия легализации их деятельности, что изменило существующую систему иерархии вероисповеданий. Во-вторых, эти указы снизили степень идеологического монополизма православной церкви в обществе, предоставив гражданам право на свободный выход из православной церкви и переход в иное вероисповедание. Легализация свободного выбора веры привела к активным переходам из православия в инославие [10, с. 1]. Как отмечает епископ Минский и Туровский, после издания Указа «Об укреплении начал веротерпимости» только до конца 1905 г. в его епархии в католицизм перешло 12 901 человек [11, л. 368]. Однако данные реформы не затронули основных принципов религиозного государства.

Следует также отметить, что хотя Указ 1905 г. устанавливал возможность вероисповедных переходов, но, вместе с тем, были сохранены нормы, содействующие сохранению социальной базы православия и ее доминирующего положения в обществе. Так, Положение комитета министров «Правила для перехода лиц, числящихся православными, в инославные христианские исповедания и вероучения» от 1905 г. [17, с. 112] устанавливал разрешительный порядок переходов, который предполагал выяснение причин смены веры и «увещевания» православным духовенством желающих выйти из православия [32, л. 35, 37, 63], что ставило возможность выхода из православия в зависимость от решения административных властей и рекомендаций православного духовенства. К примеру, в 1914 г. при рассмотрении дела о переходе из православной церкви в адвентизм крестьянина г. Витебска настоятель Витебской Петро-Павловской церкви посчитал, что в его действиях есть материальная заинтересованность, и не выдал разрешения на переход [21, л. 294], а также благочинный Новогрудского уезда отказал в разрешении крестьянину уезда на переход в католицизм в связи с подозрениями в мате-

риальном поощрении ксендзом Свержанским [5, с. 110, 338]. Кроме того, государство по-прежнему сохранило верховенство в отношениях с церковными организациями, новые нормы при расширении полномочий религиозных организаций предполагали разрешительный принцип, который приводил к многочисленным фактам администрирования и создавал препятствия для свободной деятельности религиозных меньшинств [15, с. 15; 36, л. 46]. Так, община баптистов д. Уть Гомельского уезда Могилевской губернии, которая существовала с 80-х гг. XIX в., была зарегистрирована только в 1908 г. [15, с. 10], витебская община баптистов, действовавшая с 1911 г. [8, л. 17, 19–19 об., 20], получила регистрацию только в 1914 г. [13, с. 193].

Начало Первой мировой войны и оккупация части белорусских территорий немецкими войсками привели к отказу от либеральной политики в отношении белорусских православных организаций, в особенности связанных с иностранными религиозными центрами – евангельско-лютеранской и католической церкви, евангельско-баптистских общин и др. Так, по подозрению в антироссийской деятельности и объединении «немецких элементов» в апреле 1915 г. было закрыто Двинское товарищество трезвости Синего Креста евангельско-лютеранской церкви [29, л. 124], были ограничены и личные права немцев-протестантов в белорусских губерниях. В апреле 1914 г. министр МВД М. Маклаков в секретном циркуляре на примере проповеди крестьянина Виленской губернии, члена общины евангельских христиан, отмечал, что антигосударственная деятельность в определенных местностях развивается более интенсивно и выражается в антимилитаристской пропаганде [21, л. 1]. В связи с этим особое внимание властей уделялось пресечению антивоенной пропаганды на прифронтовых белорусских территориях. К примеру, при наступлении немецких войск осенью 1915 г. за антимилитаристскую агитацию был выслан из Минска пресвитер общины баптистов Г. Андрухов [20, л. 270, 267, 274].

Незавершенность решения проблем государственно-конфессиональных отношений в 1903–1906 гг., сохранение модели религиозно-государства, приоритетного статуса пра-

вославной церкви, ранжирования вероисповеданий, ограничение индивидуальной свободы совести неправославных граждан вызвали необходимость в дальнейшей трансформации взаимоотношений государства с религиозными организациями в контексте политической трансформации российского государства.

Белорусские и общероссийские политические партии к 1917 г. окончательно закрепили в своих программах в качестве приоритетных вопросы изменения политического строя, вопрос свободы совести и вопрос государственно-церковных отношений. Идеи полного отделения церкви от государства и правового равенства религий заделарированы в программах Белорусской социалистической громады [26, с. 66], эсеров [27] и РСДРП [28, с. 4]. Белорусская социалистическая громада, Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси, представители белорусского национального движения (С. Рак-Михайловский, Б. Тарашкевич, А. Луцкевич и др.) выступали за отделение государства от церкви и за равенство религий как единственный способ преодоления конфессионального дуализма и противостояния католической и православной церкви в Беларуси и расширения прав белорусского неправославного населения.

К трансформации модели государственно-конфессиональных отношений приступило уже Временное правительство в 1917 году. Основной задачей в период марта – июня 1917 г. стало провозглашение полной свободы совести и вероисповедания граждан как части гражданских свобод. В первом же документе – «Декларации Временного правительства о его составе и задачах» – была провозглашена полная амнистия как по политическим, так и по религиозным делам. Постановление Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» от 20 марта 1917 г. [14, с. 60] отменило все ограничения, связанные с вероисповедным статусом гражданина [4]. Последующие изменения статей Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, Положения об инородцах, Устава о воинской повинности, Уставов иностранных вероисповеданий и др. позволили реализовать принцип равенства религий. Как результат, правомочия и льготы духовных лиц и верующих христианских исповеданий распро-

странялись на иностранные и нехристианские исповедания: усыновление, освобождение от воинской службы духовных лиц, наследование, организация школ и синагог, установление органов местного самоуправления национально-религиозных меньшинств и т.д. основополагающим законом в сфере религиозной политики Временного правительства стал Закон «О свободе совести» от 14 июля 1917 года. Закон утвердил свободу совести как гражданскую свободу личности, предполагающую как свободный выбор религии, так и наличие невероисповедного статуса граждан с 14 лет [14, с. 85], ликвидировал ограничения в правах по вероисповедному признаку, отменил наказания за межконфессиональные браки и т. д.

Вторым вопросом, требующим решения в рамках формирования новой политической системы государства, был вопрос новой модели взаимоотношений государства и церкви. Следует отметить, что, начиная с марта 1917 г., правительство постепенно выстраивало политику обеспечения равенства конфессий в правовом поле государства. Постановление «О собраниях и союзах» от 12 апреля 1917 г. в вопросах легализации деятельности уравнило в правах светские и религиозные организации [14, с. 76] и предоставило право свободной регистрации и деятельности религиозных союзов. 27 марта 1917 г. Временное правительство утвердило автокефалию Грузинской православной церкви [14, с. 277–278], что привело к появлению в российском пространстве еще одной православной церкви. Постановление «Об объединении, в целях введения всеобщего обучения, учебных заведений разных ведомств в ведомстве Министерства Народного Просвещения» от 20 июня 1917 г. и Закон «О свободе совести» закрепили принцип светскости народного образования, а церковно-приходские, второклассные и церковно-учительские школы передавались в ведомство Министерства народного просвещения. Обеспечение индивидуальной свободы совести и вероисповедания, равенства конфессий, отделение школы от государства свидетельствуют о тенденции к построению нерелигиозного (внеконфессионального) государства. Однако в данном процессе остро стоял вопрос положения православной церкви и степени ее взаимодействия с государством.

Обострение общественно-политической обстановки с июля 1917 г. подвигло Временное правительство, с одной стороны, к более активному решению вопроса государственно-конфессиональных отношений, а с другой стороны, к поиску союзников в общественно-политическом поле. Временное правительство с доминирующей в нем партией кадетов, стоящей на консервативной позиции, с июля 1917 г. пошло по пути сближения с православной церковью, стремясь найти в ней социальную опору. Разработанный в июле 1917 г. совместно с Предсоборным советом законопроект «К вопросу о правовом положении церкви в государстве» предполагал «культурное сотрудничество» государства с религиозными организациями – автономию и отсутствие вмешательства государства в дела религиозных организаций при широком сотрудничестве и государственном финансировании церкви (православной), участии церкви в ряде административных процессов [14, с. 141–142]. Несмотря на то что проект не был принят, он определил стремление к сохранению особых взаимоотношений православной церкви с государством. Так, при упразднении Священного Синода и создании 5 августа 1917 г. Министерства исповеданий Постановление «Об учреждении Министерства исповеданий» [14, с. 89–90] сохраняло в системе государственного управления: министр и его два заместителя должны были быть православного исповедания. Дальнейшие преобразования в вопросах управления и статуса православной церкви в государственно-конфессиональной системе ставились в зависимость от решений Поместного собора православной церкви, а дальше должны были быть переданы на рассмотрение Учредительного собрания.

Ключевые положения Поместного Собора «О правовом положении Православной Российской Церкви» от 2 декабря 1917 г. декларировали равенство всех конфессий и придание публично-правового статуса церковным организациям, неотделимость церковного имущества, автономию религиозных организаций во внутренних делах, ограничение контроля государства над деятельностью церкви исключительно исполнением законов. Собор попытался сохранить первенствующее положение православной церкви посредством введе-

ния нормы об обязательном православном вероисповедании главы государства и министра по делам вероисповеданий, закреплении за церковью отдельных административных функций (церковная метрикация, регистрация браков при венчании и т. д.), государственном финансировании православной церкви, установлением церковно-государственных праздников [24, с. 60–62].

Таким образом, нормативно-правовая деятельность Временного правительства с марта по ноябрь 1917 г. была направлена на формирование модели светского государства через обеспечение свободы вероисповедания и равенства конфессий, снижение степени контроля над внутренними вопросами церковной организации, дифференциацию функций государства и церковных институтов. При этом консервативная позиция Временного правительства обеспечила ориентацию на сохранение особого статуса православной церкви в государстве. Переход власти в руки большевиков и роспуск Учредительного собрания 6 января 1918 г. поставили точку в поиске путей урегулирования государственно-конфессиональных отношений Временным правительством.

Результаты. Как мы видим, процесс формирования государственно-конфессиональных отношений и их трансформация в конце XIX в. – 1917 г. на белорусских землях находился в сильной зависимости от политического положения белорусских земель. Белорусские земли до 1917 г. входили в состав Российской империи, и, учитывая абсолютистский характер государственного строя и задачу политической и идеологической интеграции земель Северо-Западного края в единое российское государство, в белорусских губерниях устанавливался общероссийский политико-правовой режим для религиозных организаций, несмотря на отличную от центральных районов России религиозную структуру и диверсификацию религиозных акторов. Установление на белорусских землях модели религиозного государства с «первенствующей и господствующей» православной церковью к концу XIX в. привело к религиозной конверсии населения, а также к изменениям в религиозной структуре общества: значительно увеличилась доля православной, и снизилась доля католи-

ческой церкви, изменилась структура католической церкви за счет ликвидации униатской церкви. При этом изменения в конфессиональном ландшафте и реализация модели государственно-конфессиональных отношений при ограничении прав неправославного населения вызвали углубление этноконфессионального дуализма «православный-белорус – католик-поляк».

В начале XX в. начинается процесс трансформации государственно-конфессиональных отношений от модели религиозного государства к модели светского государства при сохранении особого статуса православной церкви в политико-правовой и общественной сферах. В данном процессе особое значение имели внешние факторы. Общественно-политические преобразования общества в ходе русских революций 1905 и 1917 гг. привели к изменению государственной системы от абсолютной монархии к парламентской, а затем к республике, к расширению прав и свобод граждан, что вызвало необходимость изменения концептуальных подходов к положению церковных институтов в государстве в новых политических условиях, в первую очередь для стабилизации внутригосударственного положения. Данные социально-политические процессы и стали двигателями либерализации религиозной политики.

При этом внутренние факторы развития государственно-конфессиональной системы Российской империи, такие как изменение влияния религиозных институтов в обществе, изменение уровня религиозного сознания граждан в начале XX в., а также особенности конфессиональной среды белорусских губерний (диверсификация религиозной структуры белорусского общества, ограничение прав традиционных, укорененных в белорусской религиозной среде акторов, конфессиональный дуализм «православие – католицизм») не сыграли значительной роли в трансформационных процессах.

Приоритет внешних факторов над внутренними в трансформационных процессах привел к тому, что религиозные реформы 1903–1906 гг. не отражали потребности белорусского общества, были половинчатыми и не были направлены на трансформацию государственно-конфессиональных отношений. В связи с

этим права традиционных для Беларуси конфессий (римско-католическая церковь, евангельско-аугсбургский костел и др.), а также новых религиозных акторов (баптизм, шундизм, адвентизм) хотя и были расширены, но, особенно с началом Первой мировой войны, подлежали значительному администрированию, что ограничивало действие либеральных правовых норм. Временное правительство пошло по пути установления идентификационной модели светского государства, которое максимально соответствовало религиозной структуре белорусского общества начала XX в. и требованиям белорусских религиозных и политических кругов, однако в условиях политического кризиса не смогло полностью реализовать поставленные цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрощук В. В. Преступления против религии по законодательству России конца XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук. М.: [б. и.], 2015. 267 с.
2. Арапов Д. Ю. Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий // Православная энциклопедия. М.: Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XIV. 420 с.
3. Бендин А. Ю. Свобода совести или веротерпимость?: полемика в российской печати (начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2010. № 24. С. 5–14.
4. Декларации Временного правительства о его составе и задачах // Революционное движение в России после свержения самодержавия / под ред. Л. С. Гапоненко [и др.]. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 857 с.
5. Дело о переходе крестьян д. Смоляники Слуцкого у. Коршуков и С. Ревяко из православного вероисповедания в секту штундистов // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 37077. 385 л.
6. Дело о склонении ксендзами и лицами, перешедшими в католическое вероисповедание православных епархии, к переходу в римско-католическое вероисповедание // НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 36705. 450 л.
7. Дело по обвинению крестьян деревни Ужи Могилевской губернии Пискунова и Пехтерева в распространении штундизма и высказывания против православной церкви // НИАБ. Ф. 2131. Оп. 1. Д. 25. 121 л.
8. Дело по отношению Директора департамента духовных дел о предоставлении сведений о

секте баптистов // НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 4820. 45 л.

9. Дело по прошению баптистов Павара, Глиденсона и др. О заведении в Ливенгофском волостном правлении особых метрических книг для регистрации родившихся, бракосочетавшихся и умерших баптистского вероучения // НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 45855. 65 л.

10. Дело по прошениям лиц разных вероисповеданий, перешедших в православное, о разрешении возвращаться в прежнюю веру, в связи с выходом указа Синода от 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповеданий // НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37171. 386 л.

11. Дело по указу Синода об учреждении должности минского епархиального миссионера для борьбы с сектантством и его деятельности по пресечению распространения раскольников // НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35812. 415 л.

12. История религии и свободы совести в Беларуси в документах и материалах: пособие. В 4 ч. Ч. 3 : Со вт. пол. XVIII в. до окт. 1917 г. / авт.-сост.: В. В. Старостенко, Э. В. Старостенко. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2015. 260 с.

13. Канфесіі на Беларусі / В. В. Грыгор'ева [і інш.]; пад рэд. У. І. Навіцкага. Мінск: Экаперспектыва, 1998. 340 с.

14. Конфессиональная политика Временного правительства России: сб. док. / Федер. архив. агентство, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Рос. гос. гуманитар. ун-т, Моск. пед. гос. ун-т; сост., авт. предисл. и коммент. М. А. Бабкин. М.: Полит. энцикл., 2017. 558 с.

15. Лисовская Т. В. Зарождение позднепротестантского движения в Беларуси в к. XIX – в начале XX вв. // Вестник Омского государственного университета. Серия «Исторические науки». 2022. № 1. С. 7–18.

16. Литовские епархиальные ведомости за 1886 г. Вильна, 1887. 9 с.

17. Наградов И. С. Взаимоотношения старообрядцев, российского правительства и синодальной церкви в 1905–1917 годах // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2. С. 111–114.

18. Никольская Т. К. Русский протестантизм на этапе утверждения легализации (1905–1917 гг.) // Богословские рассуждения. 2004. № 4. С. 161–181.

19. О настоятеле Каменского костела ксендзе Урбановиче, обвиненном по статье 193 Уложения // НИАБ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 367. 39 л.

20. О сектантском движении в связи с обстоятельствами военного времени // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 312. 455 л.

21. О сектантском движении во время войны и списки сектантов, уклоняющихся от военной службы // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 314. 228 л.

22. Об отставном рядовом Якове Цезарове Розентале, обвиненном в двоеженстве и переходе из христианства в иудейство // НИАБ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 221. 29 л.

23. Одинцов М. И. От государства конфессионального к государству светскому: российский путь. 1917–2017 // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сб. ст. Вып. 14. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. С. 12–32.

24. Определение Поместного собора «О правовом положении Православной российской церкви». 2 декабря 1917 г. // Церковные ведомости. Петергоф, 1918. № 9–10. С. 60–62.

25. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–1841 по 1890–1891 гг.: [статистический обзор] / сост. Ив. Преображенский. СПб.: Тип. Сиб. акц. общ. печ. дела в России, 1901. 236 с.

26. Программа Белорусской Социалистической Громады // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. Мінск: Універсітэцкае, 1993. № 1. С. 65–68.

27. Программа партии социалистов-революционеров. [1906 г.] // Сборник программ политических партий в России / под ред. В. Водовозова. Вып. 3. СПб.: Знание – Сила, 1906. С. 14–27. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/74934-programma-partii-sotsialistov-revoljucionerov-1906-g#mode/inspect/page/3/zoom/4>

28. Программа Российской социал-демократической рабочей партии. Белгород: Нар. воля, 1917. 30 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/439592>

29. Прощения старообрядцев об отводе им земельных участков для устройства кладбищ, а также жалобы их на погребение на их кладбищах единоверцев // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 142. 14 л.

30. Редькина О. Ю. Основные принципы взаимоотношений государства и религиозных организаций в России: к истории вопроса // Общественные отношения в условиях становления гражданского общества в России: сб. ст. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 22–33.

31. Сафонов А. А. Государство и церковь в имперской России: правовые аспекты взаимоотношений // Государство, церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: IX Румянцевские чтения. М.: Изд-во Рос. гос. торг.-экон. ун-та, 2011. С. 28–40.

32. Сведения об адвентистах и баптистах Минской губернии // НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8462. 120 л.

33. Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1832. Т. 1. Ч. 1. 192 с.

34. Свод Законов Российской империи. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1892. Т. 1. Ч. 1. 215 с.

35. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб.: Сенат. тип., 1905. 2 июля. № 117. Отдел 1.

36. Сообщения губернаторов на запрос МВД о политических партиях, их организации, численности и идеологии // РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 157. Л. 65.

37. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 5-е изд., доп. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.

38. Устав (Св. Зак. Т. XIV изд. 1857 г.) Дополненный и измененный по продолжениям 1863, 1864, 1808, 1869 и 1871 годов с разъяснениями по уложению о наказаниях изд. 1866 г. М.: Тип. Т. Рис, 1872. 159 с.

39. Устав о предупреждении и пресечении преступлений: С разъяснениями по решениям кассац. деп. Правительствующего Сената. М.: Тип. Ф.Б. Миллера, 1879. III, 152 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/459983>

40. Яноўская В. В. Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. Мінск: БДУ, 2002. 163 с.

41. Янушевич И. И. Конфессиональная политика советского государства: уроки истории, 1917–1928 гг. Минск: БГУ, 2005. 143 с.

42. Kolbuk W. Koscioly wschodnie na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej. 1772–1914. Lublin: Wydawnictwo KUL, 1992. 617 p.

REFERENCES

1. Androshhuk V.V. *Prestuplenija protiv religii po zakonodatelstvu Rossii konca XIX – nachala XX vv.: dis. ... kand. jurid. nauk* [Crimes Against Religion Under Russian Legislation of the Late 19th – Early 20th Centuries. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, s.n., 2015. 267 p.

2. Arapov D.Ju. Department duhovnyh del inostrannyh veroispovedanij [Department of Spiritual Affairs of Foreign Faiths]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Tserk.-nauch. tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya», 2006. Vol. XIV. 420 p.

3. Bendin A.Ju. Svoboda sovesti ili veroterpimost?: polemika v rossijskoj pečati (nachalo XX v.) [Freedom of Conscience or Religious Tolerance? Controversy in the Russian Press (Beginning of the 20th Century)]. *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin], 2010, no. 24, pp. 5-14.

4. Deklaracii Vremennogo pravitelstva o ego sostave i zadachah [Declaration of the Provisional Government on its Composition and Tasks]. Gaponenko L.S. et al., eds. *Revoljucionnoe dvizhenie v Rossii posle sverzhenija samodержavija* [The Revolutionary Movement in Russia After the

Overthrow of the Autocracy]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1957. 857 p.

5. Delo o perehode krestjan d. Smoljaniki Sluckogo u. Korshukov i S. Revjako iz pravoslavnogo veroispovedanija v sektu shtundistov [Case on the Transition of Peasants of the Village of Smolyaniky, Slutsk District Korshukov and S. Revyako from the Orthodox Faith to the Stundist Sect]. *Nacionalnyj istoricheskij arhiv Belarusi (NIAB)* [National Historical Archives of Belarus], f. 136, inv. 1, d. 37077. 385 l.

6. Delo o sklonenii ksendzami i licami, pereshedshimi v katolicheskoe veroispovedanie pravoslavnyh eparhii, k perehodu v rimsko-katolicheskoe veroispovedanie [The Case on the Inclination of Priests and Persons Who Converted to the Catholic Faith of the Orthodox of the Diocese to Convert to the Roman Catholic Faith]. *NIAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 136, inv. 1, d. 36705. 450 l.

7. Delo po obvineniju krestjan derevni Uzhi Mogilevskoj gubernii Piskunova i Pehtereva v rasprostranenii shtundizma i vyskazyvanija protiv pravoslavnoj tserkvi [The Case Against the Peasants of the Village of Uzhi in the Mogilev Province, Piskunov and Pekhterev, for Spreading Stundism and Making Statements Against the Orthodox Church]. *NIAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 2131, inv. 1, d. 25. 121 l.

8. Delo po otnosheniju Direktora departamenta duhovnyh del o predostavlenii svedeniy o sekte baptistov [The Case Against the Director of the Department of Spiritual Affairs for Providing Information About the Baptist Sect]. *NIAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 1430, inv. 1, d. 4820. 45 l.

9. Delo po prosheniju baptistov Pavara, Glizdensona i dr. O zavedenii v Livengofskom volostnom pravlenii osobyh metriceskikh knig dlya registracii rodivshihsj, brakosochetavshihsj i umershih baptistskogo verouchenija [The Case at the Request of Baptists Pavar, Glidenson and Others. About the Establishment in the Livenhof Volost Administration of Special Registers for Registering Births, Marriages and Deaths of the Baptist Faith]. *NIAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 1430, inv. 1, d. 45855. 65 l.

10. Delo po proshenijam lic raznyh veroispovedanij, pereshedshih v pravoslavnoe, o razreshenii vozvrashhatsja v prezhnjuju veru, v svjazi s vyhodom ukaza Sinoda ot 17 aprelja 1905 g. o svobode veroispovedanij [The Case on the Petitions of Persons of Different Faiths Who Converted to Orthodoxy, for Permission to Return to Their Former Faith, in Connection with the Issuance of the Decree of the Synod of April 17, 1905 on Freedom of Religion]. *NIAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 136, inv. 1, d. 37171. 386 l.

11. Delo po ukazu Sinoda ob uchrezhdenii dolzhnosti mingskogo eparhialnogo missionera dlja

borby s sektantstvom i ego dejatelnosti po presecheniju rasprostraneniya raskolnichestva [The Case on the Decree of the Synod on the Establishment of the Position of the Minsk Diocesan Missionary to Combat Sectarianism and His Activities to Suppress the Spread of Schismatics]. *NLAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 136, inv. 1, d. 35812. 415 l.

12. Starostenko V.V., Starostenko E.V., eds. *Istorija religii i svobody sovesti v Belarusi v dokumentah i materialah: posobie. V 4 ch. Ch. 3: So vt. pol. XVIII v. do okt. 1917 g.* [History of Religion and Freedom of Conscience in Belarus in Documents and Materials. Manual. In 4 Pts. Pt. 3: From the Second Half of the 18th Century to October 1917]. Mogilev, MGU im. A.A. Kuleshova, 2015. 260 p.

13. Hryhorjeva V.V. et al. *Kanfesii na Belarusi* [Confessions in Belarus]. Minsk, Ekaperspektyva Publ., 1998. 340 p.

14. Babkin M.A., ed. *Konfessionalnaja politika Vremennogo pravitelstva Rossii: sb. dok.* [Confessional Policy of the Provisional Government of Russia. Collection of Documents]. Moscow, Polyt. encycl. Publ., 2017. 558 p.

15. Lisouskaya T.V. Zarozhdenie pozdne-protestantskogo dvizhenija v Belarusi v k. XIX – v nachale XX vv. [The Origin of the Late Protestant Movement in Belarus in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki»* [Bulletin of Omsk State University. Series “Historical Sciences”], 2022, no. 1, pp. 7-18.

16. *Litovskie eparhialnye vedomosti za 1886 g.* [Lithuanian Diocesan Statements for 1886]. Vilna, 1887. 9 p.

17. Nagradov I.S. Vzaimootnosheniya staroobrjadcev, rossijskogo pravitelstva i sinodalnoj tserkvi v 1905–1917 godah [Relationships Between the Old Believers, the Russian Government and the Synodal Church in 1905–1917]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of KSU Named After N.A. Nekrasov], 2011, no. 2, pp. 111-114.

18. Nikolskaja T.K. Russkij protestantizm na etape utverzhdenija legalizacii (1905–1917 gg.) [Russian Protestantism at the Stage of Approval of Legalization (1905–1917)]. *Bogoslovskie rassuzhdenija* [Theological Reasoning], 2004, no. 4, pp. 161-181.

19. O nastojatele Kamenskogo kostela ksendze Urbanoviche, obvinennom po statye 193 Ulozhenija [About the Rector of the Kamensk Catholic Church, Priest Urbanovich, Accused Under Article 193 of the Code]. *NLAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 193, inv. 1, d. 367. 391.

20. O sektantskom dvizhenii v svjazi s obstojatelstvami voennogo vremeni [On the Sectarian Movement in Connection with the Circumstances of Wartime]. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij*

arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive], f. 821, inv. 133, d. 312. 455 l.

21. O sektantskom dvizhenii vo vremja vojny i spiski sektantov, uklonjajushhihsja ot voennoj sluzhby [On the Sectarian Movement During the War and Lists of Sectarians Evading Military Service]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 821, inv. 133, d. 314. 228 l.

22. Ob otstavnom rjadovom Jakove Tsezarove Rozentale, obvinjonnom v dvoezhenstve i perehode iz hristianstva v iudejstvo [About Retired Private Yakov Tsezarov Rozental, Accused of Bigamy and Conversion from Christianity to Judaism]. *NLAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 193, inv. 1, d. 221. 291.

23. Odintsov M.I. Ot gosudarstva konfessionalnogo k gosudarstvu svetskomu: rossijskij put. 1917–2017 [From a Confessional State to a Secular State: The Russian Path. 1917–2017]. *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennij aspekt: sb. st. Vyp. 14* [Freedom of Conscience in Russia. Historical and Modern Aspects. Collection of Articles. Iss. 14]. Vladivostok, IIAE DVO RAN, 2008, pp. 12-32.

24. Opredelenie Pomestnogo sobora «O pravovom polozhenii Pravoslavnoj rossijskoj tserkvi» [Definition of the Local Council “On the Legal Status of the Russian Orthodox Church”]. *Cerkovnye vedomosti. Petergof* [Church Gazette. Peterhof], 1918, no. 9–10, pp. 60-62.

25. Preobrazhenskij Iv. *Otechestvennaja tserkov po statisticheskim dannym s 1840–1841 po 1890–1891 gg.: statisticheskij obzor* [The Russian Church According to Statistical Data from 1840–1941 to 1890–1891]. Saint Petersburg, Tip. Sib. akts. obshch. pech. dela v Rossii, 1901. 236 p.

26. Programma Belorusskoj Socialisticheskoj Gromady [Program of the Belarusian Socialist Community]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhaŭnaga universitjeta. Seryja 3. Gistoryja. Filasofija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava* [Bulletin of the Belarusian State University. Series 3. History. Philosophy. Politology. Sociology. Economics. Rights]. Minsk, Univiersiteckaje Publ., 1993, no. 1, pp. 65-68.

27. Programma partii socialistov-revoljucionerov. 1906 g. [Program of the Socialist Revolutionary Party. 1906]. Vodovozov V., ed. *Sbornik programm politicheskij partij v Rossii* [Collection of Programs of Political Parties in Russia], iss. 3. Saint Petersburg, Znanie – Sila Publ., 1906, pp. 14-27. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/74934-programma-partii-sotsialistov-revoljutsionerov-1906-g#mode/inspect/page/3/zoom/4>

28. *Programma Rossijskoj social-demokraticeskoj rabochej partii* [Program of the Russian Social Democratic Labor Party]. Belgorod, Nar. volja Publ., 1917. 30 p. URL: <https://www.prlib.ru/item/439592>

29. Prosheniya staroobryadcev ob otvode im zemelnyh uchastkov dlja ustrojstva kladbishh, a takzhe zhaloby ih na pogrebenie na ih kladbishhah edinovercev [Petitions of Old Believers for the Allocation of Land Plots for the Construction of Cemeteries, as Well as Their Complaints About the Burial of Fellow Believers in Their Cemeteries]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 821, inv. 133, d. 3142. 141.

30. Redkina O.Ju. Osnovnye principy vzaimootnoshenij gosudarstva i religioznyh organizacij v Rossii: k istorii voprosa [Basic Principles of Relations Between the State and Religious Organizations in Russia: On the History of the Issue]. *Obshhestvennye otnosheniya v uslovijah stanovlenija grazhdanskogo obshhestva v Rossii: sb. st.* [Public Relations in the Conditions of the Formation of Civil Society in Russia. Collection of Articles]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2010, pp. 22-33.

31. Safonov A.A. Gosudarstvo i tserkov v imperskoj Rossii: pravovye aspekty vzaimootnoshenij [State and Church in Imperial Russia: Legal Aspects of Relationships]. *Gosudarstvo, tserkov, pravo: konstitucionno-pravovye i bogoslovskie problemy: IX Rumjancevskie chteniya* [State, Church, Law: Constitutional, Legal and Theological Problems. The 9th Rumyantsev Readings]. Moscow, Izd-vo Ros. gos. org.-ekon. un-ta, 2011, pp. 28-40.

32. Svedeniya ob adventistah i baptistah Minskoj gubernii [Information About Adventists and Baptists of the Minsk Province]. *NLAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 295, inv. 1, d. 8462. 1201.

33. *Svod zakonov Rossijskoj imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg, Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. ee imperat. velichestva kancelyarii, 1832, vol. 1, pt. 1. 192 p.

34. *Svod Zakonov Rossijskoj imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg, Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. ee imperat. velichestva kancelyarii, 1892, vol. 1, pt. 1. 215 p.

35. *Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij pravitelstva, izdavaemoe pri Pravitelstvujushhem Senate*

[Collection of Laws and Orders of the Government, Published Under the Governing Senate]. Saint Petersburg, Senat. tip., 1905, July 2, no. 117, department 1.

36. Soobshhenija gubernatorov na zapros MVD o politicheskikh partijah, ih organizacii, chislennosti i ideologii [Messages from Governors to a Request from the Ministry of Internal Affairs About Political Parties, Their Organization, Numbers and Ideology]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1284, inv. 187, d. 157, l. 65.

37. *Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitelnyh 1885 goda* [Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885]. Saint Petersburg, Tip. M. Stasyulevicha, 1886. 714 p.

38. *Ustav (Sv. Zak. T. XIV izd. 1857 g.) Dopolnennyi i izmenonnyj po prodolzheniyam 1863, 1864, 1808, 1869 i 1871 godov s razjasneniyami po ulozheniyu o nakazaniyakh izd. 1866 g.* [Charter (Code of the Law, Vol. 14 ed. 1857) Amended According to the Continuations of 1863, 1864, 1808, 1869, and 1871 with Clarifications on the Penal Code ed. 1966]. Moscow, Tip. T. Ris, 1872. 159 p.

39. *Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestuplenij: S razjasneniyami po reshenijam kassats. dep. Pravitelstvujushhego Senata* [Charter on the Prevention and Suppression of Crimes: With Explanations on the Decisions of the Cassation Department of the Governing Senate]. Moscow, Tip. F.B. Millera, 1879. III, 152 p. URL: <https://www.prlib.ru/item/459983>

40. Janošskaja V.V. *Chryscijanskaja carkva ŷ Bielarusi 1863–1914 hh.* [Christian Church in Belarus 1863–1914]. Minsk, BDU, 2002. 163 p.

41. Janushevich I.I. *Konfessionalnaja politika sovetского gosudarstva: uroki istorii, 1917–1928 gg.* [Confessional Policy of the Soviet State: Lessons from History, 1917–1928]. Minsk, BGU, 2005. 143 p.

42. Kolbuk W. *Koscioly wschodnie na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej. 1772–1914.* Lublin, Wydawnictwo KUL, 1992. 617 p.

Information About the Author

Tatsiana V. Lisouskaya, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of Belarus of Modern and Contemporary Times, Belarusian State University, Prosp. Nezavisimosti, 4, 220030 Minsk, Republic of Belarus, Lisovski_rb@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-5562-8466>

Информация об авторе

Татьяна Витальевна Лисовская, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени, Белорусский государственный университет, просп. Независимости, 4, 220030 г. Минск, Республика Беларусь, Lisovski_rb@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-5562-8466>